A.B. Ilyichev
Ideological Bases of the Russian Multiparty System Formation in the Beginning of 1990s

The nature of the interdependence of political ideologies and parties is considered. The content of ideological bases of the Russian multiparty system at the stage of its formation in the beginning of 1990s is revealed.

Key words and word-combinations: political parties, political ideologies, multiparty system.

Рассматривается характер взаимообусловленности политических идеологий и партий. Выявляется содержание идеологических основ многопартийной системы России на этапе ее становления в начале 1990-х годов.

Ключевые слова и словосочетания: политические партии, политические идеологии, многопартийность.

УДК 329(470+571)"1990"
ББК 66.69(г)

А.Б. Ильичев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

В политическом процессе современной России значительное место занимают отношения идеологического характера, несмотря на то что государственной идеологии у нас нет и по Конституции РФ быть не может. Однако в обществе наблюдается идеологическое многообразие, основными субъектами которого являются политические партии. Именно партии по причине своей особой роли в формировании российского парламента поддерживают высокое предназначение идеологических концепций в политике.

Взаимосвязь между политическими идеологиями и политическими партиями представляется естественным и неизбежным явлением. Многовековая историческая практика показывает, что их отношения основываются на взаимном интересе. Идеологии нуждаются в субъекте-носителе, и ничего лучшего в этом смысле, чем политическая партия, общество не создало. Политические же партии, стремясь максимально влиять на разные слои общества, заинтересованы в идеях, способных увлечь массы людей. Многообразие идей обеспечивает разнообразие партий, а деятельность всевозможных партий создает конкуренцию идей, на базе которой развивается политическая борьба. Таким образом, идеологии и партии взаимообусловливают свое ответственное положение в современном обществе.

Научное осмысление данной политической

тенденции восходит к К. Марксу, К. Мангейму, другим теоретикам середины XIX–XX в. В их трудах идеология определялась как специфическая форма общественного сознания, воздействующая на социальное поведение людей. К. Маркс, например, видел в идеологии отражение позиций господствующего класса и средство идейного, духовного воздействия на общество. И хотя К. Маркс неоднократно отмечал утопичность идеологий, одновременно подчеркивая их обусловленность классовыми интересами. Не случайно сам он, сочиняя Манифест Коммунистической партии, уделил идейности пристальное внимание и пронизал коммунистической идеологией все содержание этого программного документа [1]. Так произошло слияние партийного движения с политической идеологией. Коммунистическая идеология призвана была воодушевить и организовать класс пролетариев на борьбу против класса буржуазии, на свержение буржуазного строя и создание государства в интересах рабочего класса. Идеология, таким образом, должна служить политическим интересам определенных социальных групп.

По К. Мангейму, идеология представлялась отражением различных точек зрения и позиций отдельных людей и социальных групп. При таком подходе идеология включалась в сознание как некая его особая, но самостоятельная часть. Здесь не акцентировалось внимание на классовом характере идеологий, но утверждалось их «духовное образование», складывающееся в качестве теоретического обоснования какой-либо конкретной политики правящих групп общества, то есть однозначно отмечалась прямая связь между идеологией и политической властью. При этом К. Мангейм выделял два типа идеологий: партикулярные – как совокупность представлений о реальном или желаемом социальном положении кого-либо; тотальные – как результат традиционно сложившихся представлений или проводимой государством социально-культурной политики. К. Мангейм видел особую функциональность идеологии в том, что она «стремится к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни» [2, с. 59].

К. Маркс и К. Мангейм в своих работах дали глубокое и разностороннее обоснование связи идеологии с политикой, показали ее обусловленность реальной политической практикой. Особенно подробно рассмотрел эту проблему К. Мангейм, анализируя мировой политический процесс в первой половине XX в. И хотя позже некоторые философы пытались «развенчать» данное свойство идеологии и снизить ее роль в политике, место идеологии в современной политике по-прежнему бесспорно значительно и ответственно [3; 4]. Известный американский политолог К. Фридрих, не будучи приверженцем марксизма-ленинизма, утверждал, что «идеологии неразрывно связаны с политическим процессом, ибо без идеи не бывает никаких политических действий» [5, с. 530].

В настоящее время понятие идеологии трактуется достаточно широко как необходимый в современную эпоху элемент общественного сознания, но в то же время включенный в него наряду с другими символами духовной жизни – мифами, религиями. А.И. Соловьев выделяет три существенные характеристики положения идеологии в общественном сознании: во-первых, она не может исчерпать собой всего духовного, идейного содержания политики; во-вторых, она продукт особой исторической эпохи, а значит, ей присуща определенная

историческая эволюция; в-третьих, ее функциональность во многом определяется условиями конкретной политической системы. Ученый также подчеркивает, что «…при наличии неких универсальных параметров у идеологии всегда сохраняются свои особые, свойственные историческим этапам, черты, свойства, задачи» [6, с. 348–349]. Такая трактовка идеологии означает, что ее влияние на жизнь общества велико, но не единственно и более всего проявляется во взаимоотношениях с политикой.

Идеология обрела и сохраняет свой политический статус как необходимый инструмент формирования и осуществления публичной сферы политики, как средство налаживания эффективного консенсуса в управлении государством. В данном качестве политические идеологии представляют собой систематизированную совокупность идей, понятий, в которых различные субъекты политических отношений, и политические партии прежде всего, осознают свою политическую позицию и стараются доказать свои притязания на власть в государстве. Важнейшим компонентом идеологии в этом процессе выступает ценностная составляющая, касающаяся вопросов государственного устройства, общественного порядка, основных принципов и направлений внутренней и внешней политики. Тем самым создается идейно обоснованный проект политики, который выносится на общественное обсуждение и в случае достаточной общественной поддержки открывает дорогу к государственной власти, превращается в программу государственного развития.

Для политических партий идеологии выполняют разнообразные функции и в зависимости от этого по-разному используются в партийной деятельности. Во-первых, это теоретическая функция, суть которой заключается в использовании в программных документах партий ценностей, принципов, целей определенной идеологии в качестве важнейших ориентиров. Идеология создает теоретический фундамент, на котором происходит объединение взглядов и мнений отдельных людей в общую идейную позицию. Во-вторых, это программно-инструментальная функция, представляющая идеологию в виде набора принципов, определяющих практическую деятельность партии в конкретных исторических и ситуативных условиях [7, с. 30]. Данная функция используется в процессе и борьбы партий за власть, и распоряжения полученной властью. В этом случае идеология превращается в гибкий инструмент реагирования на постоянно меняющееся содержание политического процесса, а содержание ее, применяемое в практической деятельности, упрощается и ограничивается лишь наиболее употребляемыми элементами. В-третьих, это агитационно-пропагандистская функция идеологии, реализация которой связывает партии с обществом. Стремясь воздействовать на политические пристрастия и действия социальных групп, партии через свою идеологию влияют на чувства, эмоции, настроения, переживания граждан, стремясь вызвать ответные реакции в свою пользу. В-четвертых, нередко идеологические концепты выполняют функцию артикуляции политической партией социальных интересов, и тогда политические идеи используются в качестве некоего бренда, визитной карточки, что обеспечивает большую запоминаемость и привлекательность партии среди граждан, прежде всего в условиях электоральной борьбы.

Подобная структура функциональности политической идеологии примени-

тельно к политическим партиям формировалась на протяжении длительной истории партийного строительства. Она и выводится из анализа истории политических партий разных стран, из исследований самого процесса организации, формирования и развития партий на протяжении последних двух-трех столетий. На этот счет существует обширная литература [8; 9; 10; 11]. Не рассматривая специально классические исследования по партиям и партийным системам, можно выделить лишь факт, что, несмотря на различия в подходах и оценках, все авторы отводят определенное место вопросу о значении идеологии в судьбе партий. Разнообразие отношений между идеологиями и партиями лишь подкрепляет вывод о том, что в разных политических условиях роль идеологии для партий меняется, но не теряет своего принципиального качества.

Весьма продуктивной для анализа является концепция норвежских политологов С. Роккана и С. Ларсена [12, с. 39–57], суть которой состоит в том, что на протяжении разных исторических эпох мощные социальные потрясения востребовали идеологии, на базе которых формировались политические партии, превратившиеся затем в носителей и распространителей политических идей. Данная логика подтверждена учеными на примере идеологии консерватизма и либерализма и соответствующих им политических партий, а также возникших вслед за ними аграрно-крестьянских, социал-демократических, коммунистических партий. Концепция подкреплена и характером партийного строительства в странах бывшего социалистического лагеря на протяжении последней четверти века.

Для современной России рубежом общественных изменений оказался период конца 1980-х – начала 1990-х годов. Множественность потрясений и их гигантский масштаб произвели на общество невероятное воздействие. Во-первых, это переход к иной, по сути противоположной по характеру, системе политических и социально-экономических отношений: от так называемого «реального социализма» к либеральному обществу западного типа. Во-вторых, это распад СССР на множество самостоятельных государств, что еще незадолго до случившегося казалось невозможным; сложившееся веками пространство российской государственности распалось на части, многие из которых являлись искусственными образованиями. Рухнули устои советского интернационализма и дружбы народов. В-третьих, это подрыв и почти полное исчезновение международного авторитета СССР как государства-лидера, решающим образом влияющего на мировую политику. Это болезненно сказалось на сознании всех слоев общества.

Общепринятой характеристикой российского общества в конце 1980-х – начале 1990-х годов выступает кризисное состояние [13, с. 269–270]. Действительно, трансформационные изменения общества не могли произойти без осознания кризиса, охватившего важнейшие сферы жизни и выражающегося в остром антагонизме старых институтов и отношений с новыми, которые с неизбежностью должны были возникнуть, в потере жизненных ориентиров и осмысленного отношения к действительности значительной частью населения. Исследования Института общероссийских опросов, проведенные в апреле 1993 г. среди граждан многих российских регионов, показали, что примерно 90% респондентов оценивали свое социально-психологическое состояние как катастрофическое, кризисное или близкое к кризисному [14, с. 9]. Все это и стало теми

потрясениями, которые, по С. Роккану, вызывают потребность в новых идеологиях, а вместе с ними – и в новых политических организациях.

В общественное сознание, а затем и в политический процесс на рубеже 1980–1990-х годов вторглись ранее запрещенные идеологии: либерализм, национализм, социал-демократия. Произошло освобождение религии, ее разнообразные формы быстро осваивали духовный мир российских людей. Идеология марксизма-ленинизма потеряла свое государственное положение, но в политике ее позиции оставались весомыми. В российском обществе возникла реальная конкуренция политических идеологий, оказавшаяся решающим фактором формирования политической многопартийности.

Современная классификация идеологий не имеет общепринятой трактовки. Она во многом определяется сложностью идеологий, их взаимопроникновением, подвижностью составляющих их содержание идей и понятий, стремлением приспособиться к общественным условиям конца XX – начала XXI в. Так, Дж. Д. Дербишайр и Я. Дербишайр в своем фундаментальном труде, посвященном современным политическим системам, наиболее влиятельными идеологиями считают либеральную демократию, коммунизм, национал-социализм, исламский национализм [15, с. 28], не выделяя в качестве влиятельных и имеющих самостоятельное политическое значение такие идеологии, как социал-демократия, консерватизм, православная идеология. На первый взгляд, кажется странным смешение либерализма с демократией, акцентирование внимания сегодня на национал-социализме, под которым подразумевается фашизм, и соединение национализма только с исламом. Но если исходить из логики активного распространения по планете западной модели общественного устройства и оказываемого этому процессу противодействия, тогда становится понятной и политически обоснованной классификация Дербишайров.

Своеобразную классификацию предложил известный теоретик современной политики Ф. Фукуяма. Наиболее влиятельной он определил идеологию демократии, которую выделил в качестве самой распространенной и перспективной. Серьезным соперником демократии Фукуяма посчитал так называемый «азиатский патернализм» в разных формах, поддерживающийся большинством населения. В качестве самостоятельных идеологий, распространенных в современном мире, он выделил также крайний национализм, или фашизм, ислам и необольшевизм, но не видел в них в будущем идеологий мирового масштаба [16, с. 7–97]. Таким образом, Ф. Фукуяма не анализирует специально современную роль либерализма и коммунизма, не выделяет их в качестве самостоятельных перспективных идеологических направлений. На наш взгляд, этот подход также объясняется авторским пониманием борьбы наступающей по всему миру западной демократии с иными идейно-политическими системами.

В России девяностых годов, имеющей свои традиции и особенные условия политического развития, значение разных идеологий оценивалось по-другому, и классификация их с позиций тех политических обстоятельств, в которых развивалась российская политическая система, должна была выстраиваться иначе, чем на Западе. Необходимо учесть прежде всего, что на протяжении нескольких десятилетий в нашем обществе культивировалась лишь одна идеология, а

все другие находились во внешнем мире, оставаясь малоизвестными в их современном состоянии. Внезапное разрешение существования в обществе множества идеологий, известных населению лишь приблизительно, в общих чертах, формировало соответствующее к ним отношение. С одной стороны, идеологии воспринимались как классические теории с устойчивым содержанием; отсюда стремление к звучным понятиям типа «демократия», «коммунизм», «либерализм». С другой стороны, недостаточное знание и понимание современных особенностей классических идеологий нередко приводило к смешению идей из разных идеологий в нечто своеобразное, к провозглашению идей и понятий одной идеологии под видом совершенно иной концепции. Кроме того, не всегда были понятны различия между отдельными идеологиями. Одновременно под воздействием особенных политических процессов рождались и оригинальные идейно-политические концепции.

Некоторые из этих российских особенностей находили отражение в трудах отечественных политологов и философов – Б.И. Коваля, О.Ю. Малиновой, А.С. Панарина, Я.А. Пляйса, других авторов. Б.И. Коваль уже в начале 1993 г. отмечал, что переходный исторический этап в России имеет «…поистине трагическую окраску. В этих условиях приспособиться к новым реалиям, найти свою позицию, принять сознательное участие в политическом процессе крайне сложно». Такое состояние общества во многом предопределило общий подход к оценке идейной борьбы. Б. Коваль выделяет в ней две основные тенденции:

«…национально-патриотическая (державная). Это – силы реставрации. Они объединяют всех противников новой власти – от неокоммунистов до монархистов и христианских демократов…

– реформаторская демократическо-либеральная. Это – силы модернизации…» [17, с. 325].

При таком подходе содержание идеологий размывается, их предназначение сводится только к обозначению идейных направлений политического развития. Отсюда оценка идейной стороны политики приобретает приблизительный характер, лишь самые общие очертания.

Я.А. Пляйс выделил наиболее распространенные и влиятельные идеологии в масштабе современного мира конца XX в.: либерализм, консерватизм и социал-демократизм. Вслед за этим показал состоявшееся сближение трех идеологий между собой по многим аспектам: «…на исходе XX столетия становится все сложнее провести различия между социал-демократической и другими политическими идеологиями, в частности либерализмом и консерватизмом» [18, с. 338]. Я. Пляйс также подчеркивает, что в России происходит формирование идеологий на таком уровне, когда их сближение еще не происходит. Наряду с распространением классических идеологий он отмечает активное культивирование таких идейных концепций, как евразийство, центризм, светский и религиозный радикализм. Все они, хотя и в разных масштабах, оказывают идейно-политическое воздействие в обществе, служат основой для образования партий и иных общественно-политических организаций.

Формирование российской многопартийности происходило на идейной ос-

нове. Подавляющее большинство политических партий, объединений и движений формулировали свои политические позиции, исходя из какой-либо идеологии. Спектр идеологических концепций, на основе которых разрабатывались программные документы партий и движений оказался чрезвычайно разнообразным. В российском обществе на рубеже 1980–1990-х годов широко культивировались такие идейно-политические концепции, как демократия, коммунизм, либерализм, национализм, патриотизм, что подтверждается организацией на их основе около пятидесяти партий и движений [19, с. 127–128]. Каждая из идеологий отражала социально-политические интересы, а также определенный уровень политической культуры разных слоев российского общества. В сознании граждан нередко переплетались, сливались привлекательные идеи из разных идейно-политических теорий. Общество активно восприняло конкуренцию политических идей и позиций в отношении перспектив развития России, откликнувшись на это участием во множестве массовых мероприятий, в выборах в Государственную Думу.

Идеологическое разнообразие, получившее общественную поддержку, стало основой российской многопартийности и острой политической борьбы на протяжении всех девяностых годов прошлого века. Подобное состояние общества сохраняется и в настоящее время и с неизбежностью будет существовать, пока Россия не пройдет переходного периода в своем движении к демократическому обществу, пока не утвердятся прочно и системно важнейшие элементы правового и социального государства. Только тогда существенно изменится значение идеологии в деятельности партий, в жизни всего общества.

Библиографический список

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., 1972.
2. *Мангейм К.* Идеология и утопия (1929 г.) // К. Мангейм. Диагноз нашего времени. М., 1994.
3. *Арон Р.* Опиум интеллектуалов М., 1955.
4. *Белл Д.* Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-е годы. М., 1960.
5. Категории политической науки / под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2002.
6. *Соловьев А.И.* Политическая идеология // Политический лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М., 2007.
7. *Золотарев В.* Партийная идеология по-украински // Аналитика. 2006. № 3.
8. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии (1898 г.). М., 1997.
9. *Дюверже М.* Политические партии (1951 г.). М., 2000.
10. *Зульцбах В.* Основы образования политических партий (1921 г.). М., 2006.
11. *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии (1911 г.) // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.
12. *Ларсен С.У.* Моделирование Европы в логике Роккана // Политические исследования. 1995. № 1.
13. *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса (1964-1994 гг.). М., 1996.
14. Россия в зеркале реформ. М., 1995.
15. *Дербишайр Д.Д., Дербишайр Я.* Политические системы мира: в 2 т. М., 2004. Т. 1.
16. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2005.
17. *Коваль Б.* Россия сегодня // Российская политическая наука: в 5 т. Т. 4. 1985–1995. М., 2008.
18. *Пляйс Я.А.* Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.
19. *Лаврентьев С.* Новые основания классификации политических партий в современной России // Власть. 2012. № 3.